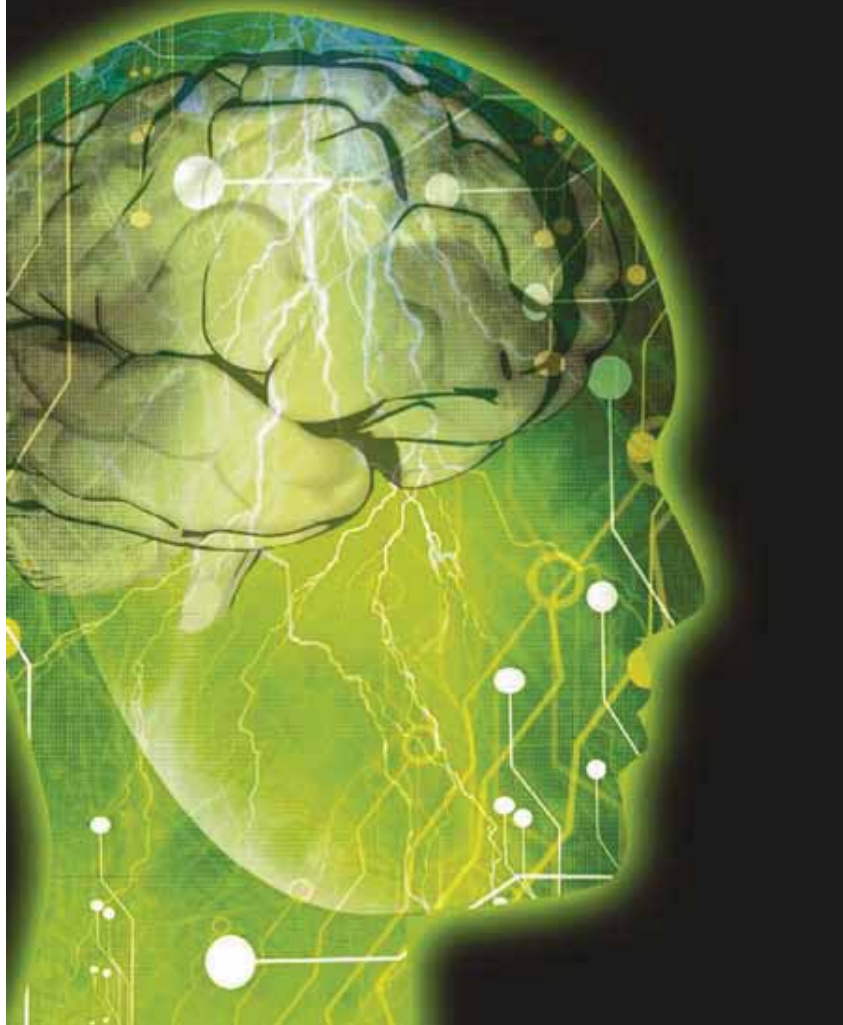

Имплицитные знания как внерациональный когнитивный механизм

Знания, которые человек получает на основе известных когнитивных механизмов, принято делить на эксплицитные и имплицитные, т.е. явные и скрытые, глубинные. Эксплицитные знания представляют собой знаковую систему — это книги, журналы (печатная продукция); лекции — вербальная форма зна-

ковой системы; магнитофоны, множительные аппараты, телевидение, компьютеры, факсимильные аппараты, мобильные телефоны — технические средства. Такие знания имеют отработанный понятийный аппарат, каждая их деталь может быть воспроизведена и сохранена. Они формируются в процессе акта познания

на основе традиционного когнитивного механизма. Имплицитные знания не сформулированы, получают непосредственно — это индивидуальный духовный опыт, взгляд, обращенный внутрь, скорее чувство знания, человек не отделен от того, что знает, это «результат познающего воображения» (1), здесь ценностно ориентированный подход. Особенностью имплицитного знания является его спонтанный характер, оно возникает практически мгновенно, не давая времени на размышления, т.е. на работу разума. Это внерациональный процесс, выходящий за рамки ограничений, накладываемых органами чувств. Термины «эксплицитное» и «имплицитное» знание ввел англо-американский философ Майкл Поланьи. Основное внимание в своем исследовании он уделил имплицитному, личностному знанию (2).

Чем более сложной и нерегламентированной является деятельность, тем в большей степени ее результаты определяются личностными знаниями человека. Это утверждение касается прежде всего науки, но здесь на самом деле все не так просто: научное познание — в первую очередь интеллектуальный, рациональный процесс, а личностное знание лежит за рамками интеллекта. Это результат того, что мы очень узко определяем процесс и механизм научного познания, практически исключая из него поле внерационального. С другой стороны, как уже говорилось, креативность превратилась в силу, определяющую новый век. Каждый стремится к актуализации своей личности, проникновению в свой собственный внутренний мир, развитию Высшего в себе. Все мы обладаем глубинными, внутренними знаниями, и главное здесь — вычленив их в безостановочном потоке мыслей. Кроме всего прочего, необходимо размышление о предмете, что прежде всего и позволяет дифференцировать, зафиксировать

Барышева Алла Васильевна — д.э.н., профессор.

касающееся его знание, попросту говоря, обратить на него внимание, запомнить пришедшую в голову мысль. Это и есть имплицитное знание, неявное, скрытое, латентное, неcodифицированное, его можно назвать личностным знанием, которое неразрывно связано со своим носителем. Человек может не знать, что им обладает, но оно безоговорочно есть и, когда появляется необходимость, дает о себе знать. Это знание называют интуитивным.

Встает проблема понятийного аппарата. Видимо, не все имплицитные знания можно назвать интуитивными. Их следует разделить на интуитивные, оформляющиеся в сфере каждодневного опыта, в границах постстороннего, в рамках жизненных коллизий и отношений, позволяющих привязать знания к контексту, и знания трансцендентные. Интуитивные личностные знания, наряду с эксплицитными, которые мы сейчас не рассматриваем, являются объектом управления в рамках менеджмента организации. И они интересуют управляющих с точки зрения получения практического результата инновационного характера, приносящего максимальный эффект. Но имплицитные, глубинные знания могут носить глобальный характер, быть связанными с постижением основ мироздания, отношением человека — Бог, человек — Вселенная, места человека в космосе, касаться моделей развития общества, нового миропорядка и пр. В этом случае человек может пережить выход в деперсонализированное сознание, лишенное привычных смыслов, это мир «небытийного бытия», как назвал его В.В. Налимов, «это творчество, которое позволяет прикоснуться к Высшей Реальности, это соприкосновение с тайной» (3). Такое знание трудно назвать интуицией, это мир, не являющийся источником наших мыслей и восприятий в обычном состоянии сознания, но трансцендентный опыт, выход в запредельные сферы, иные мо-

дели мира. К науке это имеет непосредственное отношение в те моменты, которые мы называем озарением.

Имплицитное знание есть высокое творчество, вдохновение. Здесь предварительная авторская концепция отсутствует — это достояние разума. Носитель внутреннего знания само знание не создает, «он делает его возможным» (4), это внеличностный процесс, обладающий собственной динамикой и ведущий человека за собой. Если речь идет о представителе науки, то у него очень развито рациональное мышление в отличие, например, от поэта или художника, и он, естественно, пытается найти объяснение такому состоянию. Он испытал *что*, это его личный опыт, и теперь хочет по-

Человек может не знать, что обладает имплицитным знанием, но оно безоговорочно есть и, когда появляется необходимость, дает о себе знать.

пытать, *как* этого достиг. Ведь интуиция, вдохновение не достижимы путем волевого усилия или интеллектуальной работы, они «просто случаются» (5). Так что же это было, насколько он не одинок, как другие люди разных эпох и культур смогли выразить подобное состояние? А это действительно одно и то же состояние: порядок вещей, сущность бытия, устройство мира — одна вневременная субстанция. И мы погружаемся в ноосферное культурное пространство, наработанное человеческой мыслью, там пытаемся найти людей, которые испытали то же самое состояние и чей способ выражения этого состояния нам близок. Между нами протягивается живая ниточка — радость узнавания не только идеи, но того, что за ней стоит, ощущение потаенных глубин знания человека, пройденного им пути, всего прочувствованного. Погружение в культурную среду является им-

пульсом для нового творческого порыва. Такие внутренние состояния продлеваются именно в творчестве, только оно может остановить мгновение, момент видения порядка вещей или сущности бытия, тут и создаются великие творения. Думаю, что именно об этом писал академик В.И. Вернадский в своей теории ноосферы.

Вместе с тем надо признать, что деление имплицитных знаний на интуитивные и трансцендентные условно. В любом случае эти знания получены внерациональным путем, они суть результат расширения сознания, выхода в иную реальность, где работает механизм внутреннего, духовного видения. И вновь встает проблема понятийного аппарата: духовный опыт — это опыт трансцендент-

ный, связанный с переживанием потусторонней реальности, или любой опыт, дающий ощущение другой реальности, приносящий имплицитное знание. А само имплицитное знание разве не есть соприкосновение с иной реальностью, если не высокой, трансцендентной, то все равно выходящей за пределы «житейских смыслов»?

Думаю, что трудности, связанные с попыткой дать определение понятия духовности, имеют принципиальный характер. Это понятие не вмещается в рамки рационального мышления, не может быть адекватно отображено в виде логических построений, а связано с более высоким планом бытия — духовным опытом. Разум не имеет средств выражения субъективного духовного опыта. Его нельзя описать словами, поскольку он лежит вне области органов чувств и интеллекта, из которой происходят наши слова и поня-

тия. И только в самом общем виде можно сказать, что духовность — это всегда устремленность за пределы узкого житейского смысла, это трансцендентное начало в человеке.

Имплицитные знания признаны наиболее важными для человека, экономики и общества в целом. Естественно, современный мир требует их непеременимой формализации, кодирования, превращения в доступные для пользователя. Подобные технологии внедряются везде, где это эффективно, что приводит к ускорению темпов диффузии нового знания. Превращение личного знания в знание, доступное для окружающих, — основной вид деятельности компании, создающей знания. И здесь, конечно, нужны люди, владеющие секретами формализации скрытых знаний. В любом случае это высокие творческие силы, свобода от предвзятых взглядов. Очень

щися на него как на базис. Очевидно, что здесь знание является источником формирования новых знаний, которые зафиксированы и могут быть переданы для использования.

Можно попробовать увидеть процесс получения внутреннего, имплицитного знания несколько иначе. Внутреннее знание, а это глубины нашего сознания, — огромная сила. Однако формализовывать, раскладывать по полочкам полученный опыт — значит не доверять собственному переживанию, поскольку формализация всегда связана с активностью разума, что намного снижает ценность опыта (термин «переживание» означает непосредственный внутренний опыт, дающий полную очевидность истины, это понятийно не опосредованный акт, характеризующийся связанностью пережитого с переживающим субъектом и значимостью пережитого для субъекта).

Личностное знание обладает мощным эмоциональным зарядом, большой силой и интенсивностью и выходит за пределы четко выражаемого смысла.

важны уровень интеллекта и объем эксплицитных знаний, которыми владеет человек, способность вычленил новое из общего объема предоставленной информации, смелость назвать это новое, что означает перевести его в структурированное эксплицитное знание.

Огромное количество информации и знаний теряется, мы их просто не улавливаем. Однако бывает так, что абсолютно спонтанно мы начинаем записывать свои мысли, причем касающиеся какого-то определенного предмета, и сами не сразу понимаем, для чего мы их записываем. Но если начали это делать, то не упустим вновь пришедшую мысль, зафиксируем ее. А потом получится исследование, которое тянет за собой другие работы, опираю-

Представляется, что, расшифровывая, передавая, формализуя такое знание, мы упрощаем его, низводя до уровня понимания. То, что выражено словами, есть лишь модель процесса, в той или иной мере адекватная самому процессу. На самом деле личностное знание обладает мощным эмоциональным зарядом, большой силой и интенсивностью и выходит за пределы четко выражаемого смысла. В таком случае при формализации неявного знания возникает сложная задача: насколько возможно уловить его глубинный, непроявленный смысл? Реально ли адекватно решить задачу?

С другой стороны, как наука может существовать без попытки прояснить опыт, вывести его в сферу познанного? Невозмож-

ность выразить имплицитные знания вербально не зависит от того, на каком уровне сознания протекает наш опыт — на уровне каждодневной реальности либо достигая метафизических высот. В любом случае очень сложно донести непосредственно полученное знание в его первоначальном виде, тем более в отсутствие понятийного аппарата. Кроме того, если пользоваться нашей речью для раскрытия внутреннего опыта, то его глубина, а с ней и личностная сущность исчезают.

Ясно, что процесс получения имплицитных знаний связан с глубокой трансформацией личности, это неотделимые один от другого процессы. Подобные состояния представляют собой погружение в духовную реальность, «восхождение в бытии», по словам русского философа Н.А. Бердяева. Такой опыт позволяет узнать о заложенных в нас потенциальных силах любви, продуктивной деятельности, он дает чувство связанности с Высшей реальностью. Видимо, это изначальная матрица, впечатанная в мыслительную сферу человека, элемент коллективного бессознательного по Карлу Густаву Юнгу, содержащего в себе воспоминания и культурное наследие всего человечества. Универсальные и изначальные структуры в коллективном бессознательном, или архетипы, мифологичны по своей природе. Переживания, включающие в себя архетипический элемент психики, содержат чувство сакрального, священного, представляющего собой не индивидуальный, личный, а сверхиндивидуальный, надличностный и в этом смысле трансцендентный уровень сознания человека. У многих это непререкаемое, безусловное знание. Оно проникло в сознание: мы знаем, что знаем. У других такое знание не проявляется в сознании, оно глубоко в бессознательном. Одно очевидно: все эти процессы живут своей жизнью, их можно рассматри-

вать самостоятельно, вне религиозного опыта. Часто это называют верой, которая представляет собой убежденность в достоверности чего-либо без посредства органов чувств или логического хода мысли: путем необъяснимой уверенности (видимо, вера отличается от личностного знания тем, что связана с религиозным осознанием). Другое дело, что это знание приходит в процессе духовного опыта, совсем не обязательно сопряженного с религиозными поисками. Нетрадиционные познавательные механизмы, неотделимые от расширения сознания, которые мы исследуем, связаны с образно-чувственным видением. Это процесс спонтанный. В любом случае такое знание — не платоновское «доказанное истинное убеждение», а юнговский «первообраз бессознательного, иррациональная данность, которая просто есть».

Мы подошли к принципиально важному аспекту исследования, касающемуся нетрадиционного познавательного механизма, связанного с получением знаний и оценкой роли сознания в этом процессе. Как человек продуцирует, получает некодифицированные знания? Подобные знания человек не получает извне, они являются результатом самопознания, извлекаются из глубин собственного Я: все во мне, ничего во мне, но во мне — то же, что во мне. Можно сказать, что человек нисходит в глубины себя и одновременно возвышается над собой. Это было хорошо известно в древних культурах (6).

Все сказанное позволяет сделать важнейший для нашего исследования вывод: расширение сознания за пределы Я (т.е. снятие ограничений, высвобождение огромного потенциала, таящегося в его неизведанных сферах за пределами этих ограничений), получение глубинного, личностного знания и его интеграция в общую структуру по-

знавательного процесса — это единая система, основанная на иных, нетрадиционных когнитивных механизмах, в основе которых лежит творческий акт. Изменяется сам процесс познания, не Я — субъект познаю внешний по отношению ко мне объект, напротив, этот процесс носит целостный, холистический характер, позволяет слиться с по-

знанием человека: механизмы познания и наше сознание — явления одного порядка, взаимосвязанные и взаимообусловленные. Нетрадиционные механизмы познания нереализуемы без глубинного проникновения в сферу сознания, а сфера сознания безгранично расширяется и предоставляет неограниченные возможности постижения мира.

Познание происходит в процессе духовного опыта, непосредственно переживаемого человеком.

знаваемым, а значит, проникнуть в самую его сущность, увидеть его изнутри. Такое познание протекает внутри нашего глубинного, духовного опыта, прямого переживания этого опыта (можно сказать, духовных реалий), а с ним и внутреннего постижения. Это внерациональное, неподвластное разуму, сверхчувственное ощущение и есть имплицитное знание. При этом сама наука превращается во взаимосвязанный комплекс рационального и внерационального, имплицитного знания. Данное исследование свидетельствует о том, что принципиально новые когнитивные механизмы, вторгающиеся в современную науку, непосредственно связаны с со-

Познание происходит в процессе духовного опыта, непосредственно переживаемого человеком, он — часть этого опыта и составляет единство с познаваемым. Каждый опыт расширяет сознание, и так до бесконечности. И еще один очень важный вопрос. Почему человек меняется в процессе переживания опыта? Потому что углубляется его самопознание, происходит внутренний рост, раскрывается собственное Я, а это и есть тропинки, ведущие к реализации Высшего в себе.

Очевидно, что, несмотря на преимущественно рациональный характер механизмов научного познания, глубинные, личност-

ные знания, интуиция как результат духовного опыта занимают большое место в науке. Данное исследование свидетельствует о том, что их роль будет возрастать, они превратятся в официально признанную составную часть научного когнитивного механизма. Новый аппарат научного познания не требует формализации, вербального

полученного внерациональным путем, вне области научного мышления, т.е. переводу его в область сознательного и интеграции со знанием рационального порядка (здесь встает один очень важный вопрос: всегда ли можно интегрировать личностное, непосредственное знание со знанием, полученным рациональным путем?). Он знает, что знает,

только при наличии развитого институционального контроля, т.е. института экспертизы, который определяет, можно ли те или иные данные отнести к знаниям. Таким институтом оказывается специально назначенный эксперт, коллектив, публикации в соответствующих изданиях и другие формы. А предлагаемая модель познавательного процесса не требует институциональной экспертизы на возможность причисления тех или иных данных к знаниям.

Проблема привязки интуиции к имеющимся знаниям, полученным рациональным путем, неоднозначна.

выражения внутреннего опыта, скрытых знаний ученого, как это делается, например, в рамках процедуры управления личностными знаниями сотрудниками крупных компаний с целью повышения эффективности работы организации. В науке собственное личностное знание может формализовать только сам ученый, вписав его в контекст своего анализа, мыслей и рассуждений. Ученый на основе интеграции своих внутренних, сверхрациональных и традиционных рациональных знаний сам должен сформулировать результаты собственного восприятия реальности как он их видит, чувствует, догадывается. Это механизм осознания, способствующий трансформации знания,

потому что ощущает связь между собой и новой реальностью, и это не просто связь, а единство. Об этом говорил еще академик В.И. Вернадский: «Источники наиболее важных сторон научного мировоззрения возникли вне области научного мышления. Такие понятия, как атомы, эфир, инерция, бесконечность мира, сила и др. возникли из идей и представлений, чуждых научной мысли. Число вошло в науку из музыки. Представление о мировой гармонии из Ригведы... Отделение науки от религии, философии, общественной жизни, искусства невозможно — они тесно сплетены между собой» (7).

Встает вопрос. Известно, что знания способны к существованию

Имплицитное знание не имеет ничего общего с дискурсивным, доказательным познанием, это не обоснованное суждение, а спонтанное разумение. Его называют также божественным разумением (8), интуитивным либо духовным откровением, а можно его рассматривать как результат высвобождения огромного потенциала бессознательного (отсутствует понятийный аппарат). Такое знание доступно в своем исходном виде лишь своему создателю, любая формализация искажает его глубинный смысл (о чем уже говорилось). Так что экспертом может быть только сам носитель знания, ученый, идентифицирующий поступающую информацию, устанавливающий ее привязку к уже имеющимся знаниям (что ни в коем случае не означает следование догмам и ограничениям обыденного сознания) и внутренним видением создающий наглядный чувственный образ отражаемой действительности.

Проблема привязки интуиции к имеющимся знаниям, полученным рациональным путем, неоднозначна. Выходит, что ценность интуиции ограничивается определенными пределами, и эти пределы — ее выверенность разумом. Известный американский философ Уильям Джеймс по этому поводу пишет, что интуиция служит вполне самостоятельным и самодостаточным средством мировосприятия, так

же как разум — один из механизмов постижения мира. Интуиция — особая форма познания, закрытая для трезвого рассудка, непосредственное знание, убеждение; она хранится в глубинах человеческого духа, а логические аргументации — только поверхностное проявление его. Однако рациональное знание выполняет свою функцию и с выводами разума необходимо считаться (9). Думаю, что, поскольку наука будет формироваться как нерасторжимое единство рационального и сверхрационального, привязка между двумя видами знания так или иначе осуществится. Это и будет интегральное постижение истины.

С другой стороны, кому как не науке поколебать общепринятые, преемственно утвердившиеся взгляды и нормы? Тогда о какой привязке может идти

Если знание получено не рациональным путем, то и его верификация должна быть основана на экспертизе особого рода — иррациональной.

речь? Если говорить об экономике, то, возможно, здесь вообще не следует ориентироваться на имеющиеся модели и концепции, мир очень быстро меняется, и что тогда можно взять за точку отсчета? В этой ситуации во всей полноте встает проблема не *что*, а *как*. Не *что* надо делать (в данном случае осуществить привязку полученного внерациональным путем знания к фундаментальным принципам и моделям), а *как* в соответствии с этим знанием обеспечить условия перенастройки экономики и общества в целом, их адаптации к новым глобальным вызовам.

Можно предположить другой вариант верификации имплицитного знания — внешнюю экспертизу, имея при этом в виду, что представленная модель познавательного процесса изменя-

ет сам характер экспертизы. Если знание получено не рациональным путем, то и его верификация должна быть основана на экспертизе особого рода — иррациональной, являющейся не менее высоким творческим актом, чем само представленное знание. Здесь не требуется понимания, это скорее внутреннее чувствование, узнавание как чего-то своего, во всяком случае близкого, сидящего в глубине сознания — волна, связующая ниточка, вполне осязаемая в ноосферном культурном пространстве, которая эксперта нашла или он ее нашел. И все. Этого достаточно для оценки работы. Не будем забывать, что речь идет об экспертизе как творческом акте. «Творчество поднимает над повседневностью, помогает ослабить зависимость от нее», — это слова одного из выдающихся философов XX в. Эриха Фромма (10).

Думаю, человек науки не может не понять, что имеется в виду. Каждому из нас знакомо это особое состояние, чувство близости, внутреннее переживание при чтении какого-либо научного текста — здесь притягивает модель мышления, скрытое воззрение, ощущаемый подтекст, открывающаяся нам интуитивная гипотеза, перспектива, может быть, штрихами намеченная идея и т.д. Вместе с тем допускаю, что рассмотренный вариант внешней верификации имплицитного знания может стать поводом для размышления, полем, где могут сойтись различные точки зрения. ■

ПЭС 10050/09.03.2010

Примечания

1. Залевская А.А. Психолингвистика и психолингводидактика (слово и текст: психолингвистический подход) / Сборник научных работ под общ. ред. А.А. Залевской. Выпуск 7. Тверь: ТГУ, 2007, с. 36.

2. Поланьи М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1958.

3. Налимов В. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993.

4. Метафора взята у выдающегося поэта Геннадия Айги. Чуваш по рождению, он представляется мне русскоязычным выразителем философии дзен.

5. Эта метафора, очень точно определяющая характер творческого процесса, взята у чувашского поэта А. Хузангая.

6. Возьмем индийский эпос «Упанишады»: «Дух, который находится здесь, в человеке, и Дух, который находится там, в Солнце, — взгляни, это Единый Дух, и нет никакого другого». Или дзен-буддизм: «Царство пробуждения это не внешняя сфера с четкими, ясными признаками... это царство священного знания в тебе самом». «Сознание цельное, источающее Свет, пронизывает всю Вселенную. Оно внутри тебя и не приходит извне». Как поэты писали об этом святые отцы — первые христиане: «Постарайся войти во внутреннюю клеть твою и узришь клеть Небесную. И первая, и вторая — одно: одним входом входишь в обе. Лестница в Небесное Царство находится внутри тебя: оно существует таинственно в душе твоей. Погрузи сам себя в себя от греха и найдешь в себе ступени, которыми сможешь совершить восхождение... Кто сосредотачивает зрение ума внутрь себя, тот видит в себе зарю Духа». Эти мысли разделяют столетия и тысячелетия, но высказаны они практически одними и теми же словами. Здесь все возвышенно: иная картина мира, иные жизненные смыслы, погружение в Тайну.

7. Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988.

8. Завадская Е.В. Культура Востока в современном западном мире. М.: Наука, 1977, с. 62.

9. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993, с. 375.

10. Фромм Э. Иметь или быть. М.: Наука, 1990, с. 117.